

## ДРУЖЕСКОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБЩЕСТВО 1801 Г.

(По матеріаламъ Архива братьевъ Тургеневыхъ).

### I.

Въ Исторіяхъ русской литературы начала XIX вѣка отмѣчается обыкновенно „Дружеское Литературное Общество“, однимъ изъ основателей котораго былъ Жуковский. Специальныя монографіи по данной эпохѣ нѣсколько подробнѣе останавливаются на выясненіи значенія этого общества для развитія русской литературы и просвѣщенія. Онѣ указываютъ на его важность какъ по тѣмъ лицамъ, которыя основали общество, такъ и по значенію, какое оно имѣло на своихъ членовъ. Общее сужденіе о немъ обыкновенно черпалось изъ тѣхъ немногихъ извѣстныхъ доселѣ воспоминаній, которыя оставили намъ нѣкоторые его члены, а именно: Мерзляковъ и Жуковский, да частью Александръ Тургеневъ. Въ 1891 году акад. Тихонравовъ въ „Сборникѣ общества любителей російской словесности“ напечаталъ „Законы дружескаго литературнаго общества“ (не указавъ, впрочемъ, откуда онъ взялъ ихъ, и не снабдивъ изданія примѣчаніями), и это опубликованіе должно было, безъ сомнѣнія, еще болѣе убѣждать изслѣдователей въ важности и значеніи общества. Въ послѣднее время на исторіи общества остановился г. Рѣзановъ въ своей цѣнной по подбору печатнаго матеріала книгѣ „Изъ разысканій о сочиненіяхъ В. А. Жуковскаго“, С.-Пб. 1906 года. Г. Рѣзановъ не даетъ, впрочемъ, исторіи общества, хотя въ его книгѣ обширный отдѣлъ, стр. 176—275, и носитъ заглавіе „Дружеское литературное общество“. Въ этой главѣ разсматривается литературная дѣятельность участниковъ общества каждаго порознь, а самому обществу посвящена одна лишь глава (XI) изъ пяти страницъ. Весь отдѣлъ, посвященный Дружескому литера-

турному обществу въ лицѣ его отдѣльныхъ членовъ, былъ нуженъ г-ну Рѣзанову для обрисовки того умственного и литературнаго строенія, которое господствовало въ Москвѣ среди тогдашней молодежи и которое отразилось и на Жуковскомъ по выходѣ его изъ Университетскаго Благороднаго Пансіона въ 1800 году. Обзорѣвъ литературную дѣятельность каждаго изъ членовъ общества, авторъ заключаетъ такими словами: „Такова была группа молодыхъ любителей и дѣятелей русской литературы, которые были въ это время ближайшими друзьями Жуковского, его сочленами въ Дружескомъ литературномъ обществѣ“ (стр. 270). Можно было бы думать, что авторъ на предшествующихъ страницахъ рассмотрѣлъ именно литературную дѣятельность участниковъ Дружескаго литературнаго общества, поскольку эта дѣятельность связана съ послѣднимъ и поскольку общество, дѣйствительно, оказывало вліяніе на своихъ сочленовъ. Однако, ничего подобнаго нѣтъ, и въ изслѣдованіи, съ главы XII по XV включительно, Дружеское литературное общество и не упоминается, а просто дается перечисленіе всего того, что каждый изъ членовъ его напечаталъ съ начала своей дѣятельности по 1805 годъ. Дружескому литературному обществу посвящена, какъ указано, одна лишь небольшая глава, въ которой и идетъ рѣчь о его значеніи. Такимъ образомъ, заглавіе отдѣла „Дружеское литературное общество“ не оправдывается настоящимъ положеніемъ дѣла и является чисто внѣшней спайкой нѣсколькихъ разрозненныхъ главъ. Авторъ дѣлаетъ сначала нѣсколько общихъ замѣчаній о Московскихъ литературныхъ кружкахъ начала XIX столѣтія и затѣмъ приводитъ нѣсколько выдержекъ изъ позднѣйшихъ воспоминаній о нихъ. Онъ ссылается, прежде всего, на Мерзлякова, который въ 1817 г., произнося рѣчь въ Обществѣ любителей російской словесности при Московскомъ университетѣ въ память умершаго сочлена Общества Федора Федоровича Иванова, вспоминалъ о своемъ участіи въ обществахъ, явившихся съ началомъ царствованія Александра I-го. Затѣмъ приводитъ извѣстную выписку изъ записной книжки Александра Ивановича Тургенева 1837 года о томъ, что когда-то нѣсколько молодыхъ людей, съ Мерзляковымъ и А(ндреемъ) Т(ургеневымъ) во главѣ, внимательно слѣдили за всѣмъ тѣмъ, что выходило въ Германіи. Наконецъ, авторъ приводитъ воспоминанія того же Мерзлякова, который въ критической статьѣ на Россіаду Хераскова въ 1815 году ссылается на общество словесности времени его молодости. Если присоединить сюда выписку изъ напечатанныхъ Тихонравовымъ „Законовъ“ Дружескаго

литературнаго общества, то вотъ будетъ и все, что могъ авторъ привлечь для своей главы, посвященной Обществу. Сюда можно бы присоединить и стихотворное воспоминаніе Жуковского въ 1813 году въ отвѣтъ Александру Ивановичу Тургеневу на его письмо: Жуковский воспоминаетъ собранія „въ осенній хладъ“, въ которыхъ участвовалъ и Андрей Тургеневъ и, судя по его словамъ, Иванъ Петровичъ Тургеневъ.

Посмотримъ, какого рода соображенія вызываются небольшимъ новымъ матеріаломъ, который находится въ архивѣ братьевъ Тургеневыхъ.

Дружеское литературное общество начало свое существованіе 12-го января 1801 года. Въ половинѣ ноября того же года Андрей Тургеневъ уѣхалъ на службу въ Петербургъ и въ Москву уже не возвратился: онъ умеръ въ Петербургѣ 8-го іюля 1803 года. Его другъ Андрей Кайсаровъ послѣ его отъѣзда остался въ Москвѣ, прожилъ тамъ до февраля 1802 г., затѣмъ поѣхалъ съ Тургеневыми въ Петербургъ, гдѣ пробылъ до апрѣля, затѣмъ побывалъ въ своей деревнѣ и въ половинѣ іюля того же 1802 г. уѣхалъ съ Александромъ Тургеневымъ въ Геттингенъ. Время отъ половины ноября 1801 г. до конца февраля 1802 г. прошло въ оживленной перепискѣ его съ Андреемъ Тургеневымъ. Чуть не черезъ день онъ пишетъ Тургеневу, сообщаетъ ему о подробностяхъ московской жизни, о московскихъ сплетняхъ, неоднократно говоритъ о Соковнинныхъ, изъ которыхъ одна, Катерина Михайловна, питала къ Андрею Тургеневу нѣжныя чувства, описываетъ ему свои успѣхи въ домашнихъ спектакляхъ, собирается ѣхать въ Петербургъ, подумываетъ уже о заграничной поѣздкѣ: но—нигдѣ ни однимъ словомъ онъ не обмолвливается о какомъ-нибудь собраніи своего Дружескаго литературнаго общества. Какъ будто-бы его и не было. Онъ сообщаетъ кое-какія свѣдѣнія о Воейковѣ и Жуковскомъ, изъ которыхъ послѣдній пока еще не уѣхалъ въ Бѣлевъ, но нѣтъ ни слова о собраніяхъ подъ-Дѣвичьимъ у Воейкова или, вообще, о литературныхъ собраніяхъ. Въмѣстѣ съ тѣмъ, воспоминанія о прошломъ встрѣчаются въ его письмахъ неоднократно. Въ письмѣ 21-го декабря 1801 года, сообщая Тургеневу о своемъ намѣреніи пріѣхать въ Петербургъ, Кайсаровъ пишетъ: „Хоть съ полгода пожилъ бы съ тобою вмѣстѣ! Какъ бы помнилъ я это время! Ахъ! я очень, очень помню ту счастливую осень, которую провелъ съ тобою. Мнѣ кажется, что, гдѣ бы я ни былъ, но я вездѣ буду счастливъ, если останется у меня это воспоминаніе. Ты шутилъ

иногда подѣвичимъ и говорилъ: „эти желтые листья, это мрачное время“: но что чувствовалъ я при этихъ словахъ? Я видѣлъ, для чего ты это говорилъ. Такъ, братъ! Я никогда не забуду этого мрачнаго времени, которое умѣлъ ты дѣлать для меня свѣтлымъ. Оно невозвратно, къ несчастію. Такъ ли часто о немъ думаешь, какъ я? Такъ ли это воспоминаніе дѣйствуетъ надъ тобою, какъ и надъ моимъ сердцемъ? Горе тебѣ, если ты иногда не жалѣешь объ этомъ времени! Правда, что мы не бесѣдовали о происшествіяхъ въ физическомъ и моральномъ мірѣ; для насъ довольно было насъ; мы не могли наговориться о себѣ. Мы сиживали до 12 часу, и, разставшись съ тобою, я все еще досадовалъ, что не могу говорить съ тобой, смотрѣть на тебя. Я не говорю, чтобъ теперь ты жалѣлъ объ этомъ, но увѣренъ, что тогда разставанье наше стоило тебѣ того же, чего и мнѣ. Какъ рано, къ несчастію, вытвердилось у меня слово—*Il fut jadis un tem[ps]!* и какъ часто повторяю я его“.

Здѣсь слѣдуетъ пока обратить вниманіе на то, что Кайсаровъ воспоминаетъ время еще до основанія Дружескаго литературнаго общества, а именно осень 1800 года.

Затѣмъ, Кайсаровъ, побывавъ въ Петербургѣ и вернувшись въ Москву, заболѣлъ здѣсь лихорадкой и только къ концу мая получилъ дозволеніе выходить. 18-го мая съ младшими Тургеневыми онъ „пустился въ путь подѣвичье“. На другой день онъ описалъ Андрею Тургеневу весь день 18-го мая, свое путешествіе „подѣвичье“, и, между прочимъ, пишетъ: „Я вспомнилъ тебя, моего милаго, неоцѣннаго друга; вспомнилъ, что за годъ передъ этимъ часто мы бывали вмѣстѣ подѣвичимъ, что черезъ полтора мѣсяца долженъ буду проститься надолго съ Москвою и съ тѣми предметами, отъ которыхъ возобновились во мнѣ такія сладкія воспоминанія, и что Богъ знаетъ, когда увижу тебя, моего любезнѣйшаго друга. Домъ Воейкова еще больше разстроилъ мое сердце, которое и безъ того ослаблено отъ лихорадки. Я вспомнилъ наши собранія, свою палатку, тебя, сперва торжественно гуляющаго, а потомъ отяжелѣвшаго и чуть-чуть таскающаго ноги на полѣ брани, на грядахъ клубничныхъ; вспомнилъ всѣ удовольствія, которыя имѣлъ тамъ, и немного не разнѣжилъ. Благодарю судьбу, что она оставила мнѣ много, очень много пріятныхъ воспоминаній [не] только на словахъ, но въ душѣ своей. Я очень чувствую, какъ богатъ тотъ, кто ихъ имѣетъ“.

Здѣсь воспоминанія Кайсарова касаются еще болѣе ранняго времени, именно весны или скорѣе лѣта того же 1800 года. Опять здѣсь

домъ Воейкова, хотя говорится не о „собраніяхъ“, но о пріятномъ лѣтнемъ времяпрепровожденіи.

Андрею Тургеневу не надо было напоминать о прошедшемъ времени: онъ его хорошо и самъ помнилъ и, повидимому, больше другихъ. Въ тотъ самый день, когда Кайсаровъ дѣлалъ ему приведенное напоминаніе (21-го декабря 1801 г.), Андрей Тургеневъ въ Петербургѣ дѣлаетъ то же самое. Свои воспоминанія онъ обращаетъ не только къ Кайсарову, но и къ другимъ своимъ друзьямъ, оставшимся въ Москвѣ.—Жуковскому и Мерзлякову. „Сегодня, любезные друзья,—пишетъ онъ—провели мы трое: двое Кайсар[овыхъ] и я, прекрасный, пресчастливый вечеръ, которымъ единственно обязаны нашему бывшему собранію. Видите, какъ оно благотворно. Мы были у Галины[овскаго], еще былъ одинъ Юзефовичъ, прелюбезный. Мы критиковали тему Галинковскаго. Это напомнило намъ о нашихъ критикахъ; все такъ живо вспомнилось. Мы разгорячились, какъ тогда, когда праздновали торжество наше въ честь отечеству. Вспомните этотъ холодный еще, сумрачный апрѣльскій день и насъ въ развалившемся домѣ, окруженномъ садомъ и прудами. Вспомните гимнъ Кайсарова, стихи Мерзлякова, вспомните себя, и если хотите, и рѣчь мою; шампанское, которое вдвое насъ оживило; торжественный, веселый ужинъ, соединеніе радостныхъ сердець; вспомните—и вы никогда позабыть этого не захотите, и вы отдадите справедливость нашему Обществу. Его нѣтъ; но память о немъ вѣчно будетъ пріятнѣйшимъ чувствомъ моего сердца; часто время это и всѣ случаи будутъ представляться мнѣ, какъ сладкія мечты утренняго сна, и оно продлитъ свое благотворное дѣйствіе на всю жизнь мою. Хотя бы оно еще во сто разъ было полезнѣе въ разсужденіи литературы, но все это ничто въ сравненіи съ тѣмъ, чтò оно, кромѣ того, намъ доставило. Согласны ли со мною вы, друзья мои? Нѣтъ: вы еще тамъ; но надобно удалиться отъ того мѣста, гдѣ все происходило, чтобы все такъ почувствовать какъ я чувствую; все представляется мнѣ въ какомъ то волшебномъ видѣ“.

Въ этомъ письмѣ мы видимъ уже нѣчто новое, прямо относящееся къ Дружескому литературному обществу:—торжественное собраніе въ апрѣлѣ 1801 года, съ гимномъ, со стихами, съ рѣчами, съ шампанскимъ. Въ какой день апрѣля было это собраніе и по какому поводу? Нѣкоторыя подробности мы находимъ въ слѣдующемъ письмѣ Андрея Тургенева къ Жуковскому, безъ даты, но писанномъ, повидимому, вскорѣ послѣ предшествующаго. „Вотъ еще одно—пишетъ

онъ—прошу тебя какъ друга, чтобы ты всѣмъ сообщилъ. Я, и можетъ быть, и еще нѣкоторые очень привязаны къ нашему Собранію. Вотъ предложеніе отъ меня всѣмъ членамъ. Я бы желалъ, чтобы въ дни двухъ торжествъ нашихъ—1-ое или 7-ое апрѣля, другого не помню—каждый изъ насъ ихъ праздновалъ, гдѣ бы онъ ни былъ. Это многимъ изъ насъ очень будетъ пріятно; другіе сдѣлаютъ, по крайней мѣрѣ, изъ снисхожденія. Вообрази, что одинъ, напримѣръ, будетъ въ Парижѣ, другой—въ Лондонѣ, третій—въ Швеци, четвертый—въ Москвѣ, пятый—въ Петербургѣ, и что всѣ они въ эти дни духомъ своимъ будутъ вмѣстѣ. Каждый будетъ знать, что всѣ, не говорю члены Собранія, но душевные друзья его о немъ думаютъ <sup>1)</sup>. Эта мысль стоитъ чего-нибудь. Скажи искренно, нравится ли это тебѣ? Но это должно нравиться, если бы и Собраніе не нравилось; а оно, право, много, много имѣло пріятнаго. Праздникъ такой довольно если будетъ состоять и въ томъ, если всякій вспомнить о всѣхъ своихъ сочленахъ, подумаетъ о томъ, чему посвящено было торжество и выпьетъ за здоровье ихъ съ тамошними пріятелями“.

Итакъ, торжество было 7-го апрѣля. Другое, о которомъ Тургеневъ не помнилъ, было, надо полагать, въ другомъ мѣсяцѣ. Параграфъ ЛШ „Законовъ“ Дружескаго литературнаго общества гласилъ: „Всякіе три мѣсяца должны быть экстраординарныя собранія или торжества. Каждый изъ сихъ праздниковъ можетъ носить на себѣ особенное имя. Иной посвящается отечеству, другой—какой-нибудь изъ добродѣтелей, третій, напримѣръ, поэзи, четвертый—благотворительности и проч.“. Торжественное собраніе 7-го апрѣля было, очевидно, первымъ, почти черезъ три мѣсяца послѣ открытія Общества и было посвящено „отечеству“. Съ этимъ торжествомъ должно сопоставить торжество въ Московскомъ университетѣ 14-го апрѣля того же года. Въ мартѣ мѣсяцѣ Мерзляковъ, тогда бакалавръ университета, напечаталъ стихи на день восшествія на престолъ Александра I-го. Стихи были поднесены Императору, который прислалъ два милостивыхъ рескрипта отъ 4-го апрѣля, одинъ на имя куратора князя Голицина, другой—на имя директора университета Ивана Петровича Тургенева. Университетъ торжественно праздновалъ полученіе рескриптовъ 14-го апрѣля, и на этомъ празднествѣ Мерзляковъ читалъ новое стихотвореніе, посвященное восхваленію молодого Государя (Рѣзановъ, 185—186). Повидимому, члены Дружескаго лите-

<sup>1)</sup> Ср. *Веселовскій*, В. А. Жуковскій, стр. 63—64.

ратурнаго общества, узнавъ заранѣе о рескриптѣ, устроили свое торжественное собраніе, гдѣ Мерзляковъ и читалъ свои стихи. Гимнъ Кайсарова и рѣчь Тургенева до насъ не дошли. Возможно, что такое событіе, какъ ожидаемое полученіе рескрипта университету, гдѣ директоромъ былъ отецъ—Тургеневъ, и воспламенило нашихъ сочленовъ, и потому ихъ „экстраординарное“ торжество, обязанное быть по уставу, на сей разъ было очень торжественно. Но оно было единственнымъ: другое испарилось изъ памяти даже Андрея Тургенева; да и трудно сказать, когда оно могло бы быть.

Горячее желаніе Тургенева, выраженное во второмъ письмѣ и продиктованное сильной привязанностью къ обществу, въ исполненіе никогда не приводилось.

Но въ этихъ двухъ письмахъ проглядываетъ и нѣсколько иное отношеніе къ собранію. Во первыхъ, оказывается, что къ нему привязаны не всѣ его члены, а только нѣкоторые, въ томъ числѣ и Андрей Тургеневъ; что собраніе нѣкоторымъ и не нравилось; что думать о немъ будутъ не всѣ члены, а только „душевные друзья его“. Это заставляетъ думать, что въ средѣ Дружескаго литературнаго общества могли быть внутреннія неудовольствія—или другъ на друга или на порядки его. Во всякомъ случаѣ, предложеніе Андрея Тургенева праздновать одно торжественное собраніе, гдѣ бы члены общества ни находились, показываетъ, что „Законы“ общества, такъ торжественно написанные, ни для кого не были обязательны. Параграфы 61—68 подробно регламентировали дѣятельность общества въ случаѣ разѣзда его членовъ: „Если бы случилось, что по какимъ-нибудь обстоятельствамъ всѣмъ или большей части членовъ должно было разстаться, въ такомъ случаѣ общество наше не должно рушиться“—говорилъ параграфъ 61; и вотъ теперь, едва лишь его члены, дѣйствительно, поразѣхались (Родзянка уѣхалъ въ Петербургъ еще раньше Андрея Тургенева), какъ наибольшему энтузиасту его приходится изыскивать средства противъ окончательнаго его забвенія.

Слѣдующее письмо, черезъ мѣсяць-два, еще болѣе показываетъ, что Дружеское литературное общество не пользовалось уже вниманіемъ со стороны его бывшихъ и настоящихъ его сочленовъ. Въ концѣ января или 1-го—2-го февраля 1802 г. пріѣхалъ въ Петербургъ Андрей Кайсаровъ и сообщилъ Тургеневу нѣсколько непріятныхъ новостей, и вотъ 3-го февраля Тургеневъ пишетъ письмо Жуковскому, въ которомъ, между прочимъ, говоритъ: „Всѣ, видно, отстраняются, братъ, отъ собранія. Теперь и Кайсаровъ противъ, и всѣ, и ты, кромѣ меня.

Какъ мнѣ больно, что не всѣ такъ о немъ думаютъ, какъ я! Всѣ теперь противъ него поднимаются. Я боюсь много спорить, потому что я не веселъ и могъ бы нагрубить. Слышу, что Мерзляковъ не даетъ піесъ своихъ и что заводится другое собраніе. Я, однакожь, очень этому радъ. Хоть бы что-нибудь было, что бы меня заставило что-нибудь дѣлать. Я теперь очень, очень огорченъ словами Кайсаровыхъ, которые начинаютъ уже ругать собраніе. Какъ они меня ни любятъ, какъ я ни люблю ихъ и ни долженъ быть имъ за многое очень благодаренъ, но все бы мнѣ лучше быть одному. Теперь ничего не желаю столько, какъ уединенія. Все разрушается. Я думалъ, что собраніе будетъ намъ дорого хоть въ воспоминаніи, но вижу противное. Мнѣ совсѣмъ нельзя быть откровеннымъ: прежде сами хвалили, теперь, въ сію минуту смѣются надъ рѣчью Мерзлякова и надъ всѣмъ собраніемъ, показывая великую безхарактерность“.

Итакъ, чѣмъ дальше, тѣмъ больше и больше слышались голоса противъ общества. Что говорилъ Жуковскій противъ него, неизвѣстно, но уже близкій другъ Тургенева, Андрей Кайсаровъ чѣмъ-то былъ недоволенъ, хотя, какъ видѣли, онъ вспоминалъ такъ сладостно осеннія собранія. Мерзляковъ затѣвалъ уже какое-то новое общество, не желая, очевидно, продолжать старое. И Андрей Тургеневъ скорбитъ о такой перемѣнѣ во взглядахъ своихъ сотоварищей, не желающихъ, очевидно, поддержать Мерзлякова и бранящихъ послѣдняго за какую-то рѣчь.

Но Тургеневъ не хочетъ успокоиться. Онъ, одинъ изъ главныхъ участниковъ общества, главный его руководитель, думаетъ какъ-нибудь иначе продолжать существованіе умирающаго или почти-что умершаго общества и предполагаетъ его преобразовать. Онъ воспользовался тѣмъ, что въ это время въ Петербургѣ собрались чуть не всѣ члены Дружескаго литературнаго общества—онъ и Александръ Тургеневъ, два брата Кайсаровыхъ, Родзянка,—и задумалъ его видоизмѣнить. 21-го марта онъ пишетъ въ Москву къ Жуковскому: „Мы подумываемъ опять о собраніи, которое вмѣстѣ будетъ и филантропическое. Но мнѣ бы непременно хотѣлось видѣть, какъ мы уже и положили, піесы нашего покойнаго собранія. Скажи Мерзлякову, что „Слава“ и проч. все вѣдь у насъ есть; итакъ, если онъ хочетъ, то чтобы лучше присылалъ выправленное. Или не заводится ли у васъ чего-нибудь и скоро ли или нѣтъ“? Однако, видѣть піесы „покойнаго“ собранія имъ не удалось: всѣ опять скоро разѣхались и работать надъ изданіемъ было некому. Но своимъ желаніемъ



Тургеневъ, съ одной стороны, примыкалъ къ практиковавшемуся уже обычаю издавать „піесы“ воспитанниковъ Университетскаго Благороднаго Пансіона особымъ сборникомъ подъ именемъ „Утренней Зари“, а съ другой—исполнялъ одинъ изъ параграфовъ „Законовъ“ Дружескаго литературнаго общества, рекомендовавшій издавать труды общества, „когда наберется для одной книжки изданія довольное число піесъ“ (парагр. 68). Мерзляковская „Слава“ была уже напечатана въ 1801 году, но, повидимому, она читалась на одномъ изъ собраній общества ранней весной 1801 г.

Заслуживаетъ вниманія и указаніе Тургенева, что онъ и его товарищи хотятъ устроить общество „филантропическое“. Въ „Законахъ“ Дружескаго литературнаго общества филантропія не играетъ почти никакой роли. Параграфъ 70-й глухо говоритъ лишь о томъ, что „деньги для бѣдныхъ, которыя кто-нибудь будетъ вносить въ общество, должны также храниться у секретаря“. Такимъ глухимъ упоминаніемъ учредители общества лишь отдавали дань преданію, которое доходило до нихъ о филантропической дѣятельности Дружескаго ученаго общества. Не имѣя въ своемъ распоряженіи никакихъ денежныхъ средствъ, нуждаясь въ нѣсколькихъ рубляхъ—что мы видимъ изъ многочисленныхъ записочекъ Андрея и Александра Тургеновыхъ и Кайсарова—они и не могли помышлять о „филантропіи“, какъ о цѣли своего общества. Теперь же Андрей Тургеневъ, желая хоть чѣмъ-нибудь воскресить свое дѣтище, выдвигаетъ филантропію на первый планъ, предполагая, что теперь, когда они уже вступаютъ на службу, эта сторона дѣятельности и спасетъ общество и тѣснѣе свяжетъ его съ блестящей эпохой еще недавно процвѣтавшаго Дружескаго ученаго общества.

Но и это не помогало. Проходить двѣ недѣли, и 8-го апрѣля 1802 года Андрей Тургеневъ записываетъ въ своемъ дневникѣ: „Сегодня апрѣля 8-ое. Вчера минулъ годъ торжеству дружескаго литературнаго общества! Da sehnte ich mich hinaus in die weite Welt; jetzt komme ich zurück aus der weiten Welt! и слеза горести мѣняется съ сладкимъ воспоминаніемъ. Чего я желалъ тогда? Не находилъ ли я и тогда образа жизни моей неприятымъ, неудобнымъ ни къ какимъ упражненіямъ? Но что же настоящее передъ прошедшимъ! Простите, радостныя плѣняющія мечты! Ахъ! тогда я былъ оживленъ, тогда лежало передо мною неограниченное поле; воображеніе бродило по немъ, фантазія все украшала. Какъ скоро прошло все это! Собраніе умираетъ и въ нашемъ воспоминаніи. Мих(аиль) Кайс(аровъ) бранить его. Но пусть же все исчезнетъ, когда такъ этому быть должно!“

Вотъ все, что мы находимъ въ матеріалахъ, касающихся времени послѣ распаденія общества. Самъ Андрей Тургеневъ перестаетъ говорить о немъ, что и понятно: съ мая мѣсяца 1802 г. по январь 1803 года онъ живетъ уже въ Вѣнѣ, проникается новыми интересами, ведетъ дѣятельную переписку съ братомъ Александромъ и Кайсаровымъ, обучающимися уже въ Геттингенѣ и погруженными совѣмъ въ другіе интересы, нежели какими они были полны, будучи въ Москвѣ. И они также никогда не вспоминаютъ ни въ письмахъ, ни въ дневникахъ <sup>1)</sup> о своемъ обществѣ. Оно какъ будто-бы никогда для нихъ и не существовало. Живя въ Геттингенѣ, они посвятили себя почти исключительно историческимъ и политическимъ наукамъ, и литературные интересы стояли у нихъ уже на второмъ планѣ. Кайсаровъ, впрочемъ, и по другимъ причинамъ, какъ увидимъ, не могъ питать особыхъ нѣжныхъ чувствъ къ обществу. Александръ же Тургеневъ лишь одинъ разъ, въ 1808 году, вспомнилъ о собраніяхъ „поддѣвчимъ“ и то мимоходомъ.

Является вопросъ, почему же Дружеское литературное общество не оставило во всѣхъ его членахъ пріятныхъ воспоминаній? почему оно, тотчасъ по возникновеніи прекратившись, потомъ уже не возникало, несмотря на призывъ энтузіаста Тургенева? Не было ли въ самомъ обществѣ такого элемента, который не содѣйствовалъ тѣсному сплоченію его членовъ? 70-ый параграфъ „Законовъ“ общества зывалъ ко взаимной довѣренности: „Будемъ имѣть довѣренность къ другъ другу. Большая часть изъ насъ воспитывалась въ одномъ мѣстѣ; съ самаго малолѣтства знаемъ мы другъ друга; сладостныя узы связали насъ почти всѣхъ издавна. Въ самыхъ лѣтахъ мы немного превышаемъ другъ друга: гдѣ можетъ утвердиться лучше взаимная довѣренность? Если не всякій изъ насъ одаренъ тонкимъ вкусомъ къ изящному, если не всякій можетъ судить совершенно правильно о переводѣ или сочиненіи: то по крайней мѣрѣ мы не будемъ сомнѣваться въ добромъ сердцѣ сказывающаго наши погрѣшности; его любовь говоритъ намъ: правда ли это или нѣтъ—онъ желалъ намъ добра. Такой духъ долженъ оживлять каждого изъ членовъ. Въ противномъ случаѣ общество наше подобно будетъ мертвому растерзанному тѣлу“. И вотъ, несмотря на такой призывъ къ довѣренности, ея то, повидимому, и не было. Это обстоятельство не совѣмъ понятно. Члены общества, дѣйствительно, были друзьями; особенная

<sup>1)</sup> Отъ Геттингенскаго періода сохранился, впрочемъ, дневникъ одного лишь Тургенева.

дружба была между Жуковскимъ, братьями Тургеневыми, Кайсаровымъ и Мерзляковымъ, и, однако, лишь только основалось общество, какъ внутри его начались тотчасъ же нелады. Друзья по прежнему оставались друзьями, продолжали переписываться, увѣрять другъ друга въ любви, но общество, очевидно, ихъ не спланивало. Собранія общества, начавшіяся съ января 1801 года, не были новыми: они имѣли мѣсто уже осенью 1800 года и происходили у того же Воейкова „поддѣвичьимъ“. И мы видимъ, что объ этихъ собраніяхъ вспоминаютъ съ удовольствіемъ, а о собраніяхъ общества или молчатъ или вспоминаютъ съ неудовольствіемъ.

Чѣмъ же были недовольны члены общества? Свѣдѣній у насъ на этотъ счетъ мало. Больше мы имѣемъ указаній на самыя неудовольствія, нежели на причины ихъ. Нѣсколько сохранившихся записочекъ указываютъ, прежде всего, на отсутствіе между членами согласія и довѣренности. Одна записка Андрея Тургенева Кайсарову (безъ обозначенія числа) такова: „Что дѣлать, братъ? Неужели ты думаешь, что я не жалѣю о томъ, что не могу быть въ собраніи? Я столько приготовлялся къ этому и съ такою радостью. Боюсь, чтобъ сочлены мои не сочли это холодною къ собранію. Я думаю быть однимъ изъ усерднѣйшихъ членовъ“. Послѣднія слова въ устахъ Андрея Тургенева являются характерными: его отсутствіе въ собраніи можетъ показаться „холодною“; очевидно, нѣтъ взаимнаго довѣрія, нѣтъ одушевленія.

Интересно также слѣдующее письмо Андрея Кайсарова къ Андрею Тургеневу, относящееся, несомнѣнно, къ этому же времени: „Ты думаешь,—пишетъ онъ—что обидѣлъ меня, сказавъ, что я дополнительное количество въ вашемъ собраніи. Конечно, мнѣ непріятно было это; но ты самъ знаешь, что я къ вамъ не напрашивался, чувствуя, что я въ *словесности* съ вами не равенъ. Я еще заранѣе все это предвидѣлъ и былъ увѣренъ, что, если не ты, то, конечно, другой бы кто-нибудь скоро мнѣ объ этомъ напомнилъ“. Кайсаровъ прощаетъ своему другу все, прося только сказать ему, если что найдетъ дурное, потихоньку и не „при гласѣ трубнемъ“. Но самое опредѣленіе Кайсарова, какъ „дополнительнаго количества“, будучи справедливымъ по признанію и самого Кайсарова, не могло не быть для него обиднымъ и не могло располагать его къ обществу, куда онъ „не напрашивался“ и гдѣ засѣдали записные литераторы.

Разногласія выходили и по пустякамъ. Есть одна интересная для внутренней жизни общества записка Андрея Тургенева къ Кайсарову:

„Безъ всякаго труда—такъ начинается записка—принимая трубку, съ нѣкоторымъ приятнымъ чувствомъ начертываю сіи строки:

„Прошу тебя всѣмъ сердцемъ, чтобъ ты завтра предложилъ Воейкову о собраніи; не знаю, для чего не можетъ оно быть у Родзянки: нѣтъ закону, чтобъ быть ему только у Воейкова и у Жуковского. Родзянка былъ же у Воейкова, не будучи съ нимъ знакомъ. Это же удобнѣе для Мерзлякова и Родзянки, не считая уже насъ, которые не имѣютъ своихъ экипажей и должны топтать грязь, а для собранія вообще это, кажется, все равно. Другое дѣло, чтобы быть собранію въ четвергъ: на это надобно согласіе Воейкова, который, конечно, будетъ снисходителенъ къ желанію пяти членовъ, усердно желающихъ, чтобъ оно было не въ субботу. Не знаю, братъ, отчего тебѣ хочется, чтобъ по моему не сдѣлать. Я не вижу тутъ для тебя ни малѣйшей невыгоды. Какая же причина? Но я бы не сказалъ ни слова, еслибъ одинъ этого хотѣлъ, а я вижу, что ты не хочешь, чтобъ это было“. Для пониманія этой записки надо имѣть въ виду, что параграфъ 7-й „Законовъ“ общества гласилъ: „Засѣданіямъ быть однажды въ недѣлю *по субботамъ* въ пять часовъ“.

## II.

Какова же была внутренняя жизнь Общества, какъ такового, въ чемъ она состояла, и чѣмъ занимались въ своихъ собраніяхъ члены его? Мы уже видѣли, что въ двухъ торжественныхъ собраніяхъ пѣлись гимны, читались стихи, произносились рѣчи. Повидимому, то же приблизительно происходило и въ обыкновенныхъ засѣданіяхъ. Андрей Тургеневъ, какъ видѣли, выражаетъ намѣреніе напечатать „піесы“, читанныя на собраніяхъ. О „піесахъ“ только можно догадываться. Такъ, напримѣръ, къ такого рода піесамъ относится, несомнѣнно, стихотвореніе Андрея Тургенева „Къ Отечеству“, напечатанное въ Вѣстникѣ Европы 1803 года, VII. Что же касается рѣчей, то мы имѣемъ часть ихъ, можетъ быть, когда-то приготовленную къ печати, подъ заглавіемъ „Рѣчи, говоренныя въ собраніяхъ Дружескаго литературнаго общества“. На первой страницѣ послѣ заглавнаго листа перечисляются члены собранія въ такомъ порядкѣ:

*Первые члены собранія:*

Мерзляковъ  
 Андрей Тургеневъ  
 М. Кайсаровъ

А. Кайсаровъ  
 В. Жужковский  
 Воейковъ  
 П. Кайсаровъ

*потомъ:*

С. Родзянка  
 А. Офросимовъ.

Отсюда слѣдуетъ, что два послѣднихъ лица не были учредителями Общества и не могли подписать 12-го января 1801 года „Законовъ“ Общества, какъ значится на томъ спискѣ, по которому Тихонравовъ ихъ издалъ. Съ этимъ согласуется и приведенная выше ссылка Андрея Тургенева на то, что Родзянка былъ на засѣданіи Общества у Воейкова, не будучи знакомъ съ послѣднимъ.

Первая рѣчь принадлежитъ Мерзлякову подъ заглавіемъ: „Голосъ члена Мерзлякова въ предварительномъ собраніи 1801 года января 12-го дня. О главныхъ Законахъ Общества“. Отсюда мы узнаемъ, что изданные „Законы“ Общества писаны Мерзляковымъ. Отсюда же вытекаетъ и то, что и инициатива Общества исходила отъ Мерзлякова, съ которымъ эту честь раздѣлялъ и Андрей Тургеневъ, съ чѣмъ согласуется и позднѣйшее показаніе Александра Ивановича Тургенева, что корифеями Общества были Мерзляковъ и А [ндрей] Т [ургеневъ]. Рѣчь имѣетъ такое вступленіе: „Сегодня, друзья мои, должно положить намъ твердый и неизблемый камень въ основаніе нашего [Общества] и для того, согласившись въ общей цѣли, поручили вы мнѣ начертать нужные законы, на которыхъ бы утверждалось столь полезное, столь важное наше намѣреніе. Если я самъ по себѣ и не заслуживаю того благорасположенія и лестной довѣренности, которой вы меня удостоить изволили, по крайней мѣрѣ рѣшился я показать въ семъ случаѣ свое усердіе къ пользамъ и выгодамъ собранія и свою благодарность къ почтеннымъ его сочленамъ. Итакъ, сколько научила меня малая моя опытность, осмѣлился я начертать его положенія и представить ихъ вашему суду. Вы увидите, что почти всѣ мои мнѣнія ограничиваются временемъ и обстоятельствами. Кто же избѣжитъ этого? По крайней мѣрѣ, двѣ сладостныя надежды ожиляли мое сердце, когда я хотѣлъ предложить вамъ эти постановленія. *Первая.*—Наше Общество еще, такъ сказать, въ младенчествѣ; эти законы будутъ ему необходимы непремѣнно до тѣхъ поръ, когда оно возмужаетъ и когда стануть предписывать ему законы, его устои,

его польза, его слава. Другая одобряющая надежда была та, что каждый изъ васъ горитъ еще сильнѣйшимъ пламенемъ усердія ко благу общему, нежели я; что слабыя мысли мои подадутъ вамъ случай разсуждать подробнѣе о настоящемъ предметѣ и сдѣлать что-нибудь лучшее. Кто изъ насъ когда-либо помыслить о трудностяхъ, когда онъ увѣренъ, что первый голосъ, упрекающій его или въ предразсудкѣ или недостаткѣ, есть нѣжный голосъ дружества, что рука, подающая ему мачтабъ, есть рука любви, что судья, вѣщающій ему судъ справедливый, есть безпристрастное сердце друга? Вотъ мои мнѣнія. Судите ихъ, друзья мои.

„Возраждающееся общество должно сперва назначить себѣ *цѣль*, какую будетъ имѣть въ виду при всѣхъ своихъ упражненіяхъ; *предметъ*, которымъ будетъ заниматься; наконецъ, средства и *мирныя пособія* для достиженія предположительной цѣли“.

Послѣ этого вступленія идутъ первые три параграфа „Законовъ“ Общества (по изданію Тихонравова) съ нѣкоторыми уклоненіями отъ изданнаго текста. Такъ, напримѣръ, II параграфъ (предметъ) начинается такой фразой, которой нѣтъ въ изданіи Тихонравова: „Нужно ограничить намъ упражненія, и, по моему мнѣнію, предметомъ ихъ должно быть единственно отеческая литература“. Есть измѣненія и въ III параграфѣ, а IV параграфъ говоритъ о необходимости завести библіотеку, о чемъ совсѣмъ не упоминается въ печатномъ изданіи. Затѣмъ ораторъ подробно выясняетъ необходимость избранія „такъ называемаго перваго члена“, который въ окончательной редакціи „Законовъ“ переименовался въ „Президента“. „Нѣкоторые изъ насъ думали,—говоритъ Мерзляковъ—что совсѣмъ не нуженъ первый членъ. Они боялись, чтобы чрезъ это не нарушилось равенство между членами. Но нарушится ли равенство, когда мы изберемъ изъ насъ такого, котораго нравственный характеръ наиболѣе сходствовалъ съ добродѣтелями, потребными для каждаго изъ насъ такъ, какъ члена?“ И затѣмъ онъ ихъ убѣждаетъ, что бояться злоупотребленій со стороны перваго члена нѣтъ основанія, и даетъ характеристику предполагаемаго перваго члена.

Рѣчь Мерзлякова дошла въ неоконченномъ видѣ (утрачена цѣлая тетрадь, заключающая конецъ рѣчи Мерзлякова и начало слѣдующей рѣчи). Мерзлякову удалось, очевидно, убѣдить въ необходимости перваго члена Общества, и въ „Законахъ“ параграфы 26—34 посвящены „Должности Президента“. По параграфу 34 президентъ избирается на три мѣсяца. Кто былъ первымъ президентомъ—остается неизвѣстнымъ.

Второе собраніе было, какъ полагалось по уставу, черезъ недѣлю, т. е. 19-го января, какъ можно думать на томъ основаніи, что третье собраніе помѣчено 26-мъ января. До насъ сохранился только конецъ рѣчи, произнесенной на второмъ собраніи. Рѣчь, несомнѣнно, была произнесена Андреемъ Тургеневымъ: она оканчивается извѣстнымъ Шиллеровымъ стихотвореніемъ (*An die Freunde*), которое было излюбленнымъ у Андрея Тургенева: онъ его повторялъ и въ письмахъ и имъ онъ открылъ свой дневникъ на 1801 годъ, записавъ его на первой страницѣ дневника—29-го января:

Festen Muth in schweren Leiden  
Hülfe, wo die Unschuld weint и т. д.

Рѣчь посвящена Отечеству и опредѣленію долга гражданина. „Если гражданинъ есть членъ цѣлаго политическаго тѣла, то отъ сохраненія частныхъ правъ каждаго должно зависѣть главное право всего общества. Сдѣлай добро одному ближнему—ты сдѣлаешь добро всѣмъ ближнимъ; будь честенъ, ты будешь лучший гражданинъ въ гражданствѣ: такимъ образомъ прежде воспитывались сыны отечества, такъ начнемъ мы свое образованіе. Мы знаемъ, что изящныя науки суть органы нравственности; нравственность есть основа благоденствія народовъ. Тѣ и другая составляютъ главное наше занятіе, нашъ предметъ. Для чегожъ намъ бояться, чтобы труды наши не отдалили насъ отъ главной цѣли? Теперь общество наше есть скромная жертва отечеству. Всякій мигъ, всякое дѣло наше посвящено ему. Скоро, можетъ быть, возгремѣтъ оно къ намъ и назоветъ насъ своими защитниками. Умѣйте сдѣлаться того достойными“.

Въ томъ же собраніи была произнесена еще рѣчь Воейковымъ, предметомъ которой было прославленіе Петра III за его три дѣянія: 1) уничтоженіе „Тайной“, 2) дарованіе правъ дворянамъ и 3) отобраніе монастырскихъ деревень. Никакихъ указаній на внутреннюю жизнь Общества рѣчь Воейкова не содержитъ.

Отъ слѣдующаго собранія дошла до насъ „Рѣчь члена Михаила Кайсарова о томъ, что воображеніе доставляетъ намъ болѣе удовольствій, нежели существенность, говоренная въ 1801 году января 26-го“.

Черезъ недѣлю, 9-го февраля, говорилъ рѣчь Андрей Кайсаровъ „О кротости“. Эта тема была одной изъ излюбленныхъ имъ: черезъ два года въ Геттингенѣ, въ 1-ый день Пасхи онъ говорилъ собравшейся русской колоніи рѣчь на ту же тему. Указавъ на примѣръ проявившаго необычайную кротость во время крестныхъ мученій, ора-

торъ говоритъ: „Здѣсь, на самомъ томъ мѣстѣ, гдѣ добродѣтель и дружба собрали насъ, здѣсь поклянемся имѣть въ виду сей неподражаемый примѣръ, поклянемся слѣдовать ему, сколько позволяютъ наши силы... Мы собрались, друзья, для составленія какъ бы нѣкотораго „особеннаго Общества“. Законы его были писаны на сердцахъ нашихъ еще прежде; любовь добродѣтели, истребленіе пороковъ въ насъ самихъ—вотъ цѣль наша“.

16-го феврала на собраніи говорилъ рѣчь Тургеневъ 1-ый, т. е. Андрей. Его рѣчь имѣла прямое отношеніе къ Обществу. „Друзья мои!“ начинается онъ свою рѣчь: „Я избралъ предметомъ рѣчи моей то, что всего болѣе должно занимать насъ въ нашемъ собраніи—самое наше собраніе. Не ожидайте отъ меня тѣхъ цвѣтовъ краснорѣчія, которыми украсили сей предметъ нѣкоторые изъ моихъ сочленовъ. Я намѣренъ въ возможной простотѣ говорить съ Вами о нѣкоторыхъ предметахъ, до него относящихся. Новый сочленъ, котораго всѣ мы съ сердечнымъ удовольствіемъ здѣсь видимъ, познакомится чрезъ то съ нашими законами, и, можетъ быть, не бесполезно будетъ, если я снова оживлю ихъ и въ вашей памяти“. Здѣсь рѣчь идетъ, какъ можно думать на основаніи вышесказаннаго, о Родзянкѣ <sup>1)</sup>).

Дальше вся рѣчь Тургенева посвящена дружбѣ, довѣренности, искренности, именно всему тому, чего, очевидно, недоставало въ Обществѣ. „Цѣль наша, говорилъ ораторъ, образованіе себя въ литературѣ, особливо въ русской, образованіе нравственнаго нашего характера. Чѣмъ инымъ можемъ мы достигнуть ее, какъ не дружественными совѣтами, неограниченною, но кроткою искренностью, которая должна быть однимъ изъ главныхъ нашихъ Законовъ? Мы взаимно подкрѣпляемъ другъ друга. Насъ здѣсь восемь, и всякій изъ насъ въ восемь разъ сильнѣе здѣсь, нежели бы былъ онъ одинъ...“ Ораторъ говоритъ далѣе о необходимости искренности, проситъ не смѣшивать ее съ кожостью и грубостью, доказываетъ, что никто не можетъ оскорбиться дружественною критикою. „Будучи принуждены“, продолжаетъ онъ, посвящать такъ мало времени любезнѣйшему нашему предмету, мы должны стараться удалить отъ себя все то, что не ведетъ насъ къ нашей цѣли. Неужели не можемъ мы и два часа.

<sup>1)</sup> Въ рукописи къ приведеннымъ словамъ рукою Александра Ивановича Тургенева сдѣлано примѣчаніе въ двухъ строкахъ:

„Къ сожалѣнію онъ не остался въ нашемъ собраніи,—  
Чрезъ нѣсколько времени онъ опять вступилъ въ него“.



зайтаться чѣмъ-нибудь важнымъ? Отчего говоримъ мы такъ часто о вольности, о рабствѣ, какъ будто бы собрались здѣсь для того, чтобы разбирать права человѣка? Какую пользу можемъ получить мы, касаясь иногда въ спорахъ нашихъ до самой религи, о которой здѣсь, по моему мнѣнiю, никогда бы упоминать не должно? Все сiе, какъ мы видѣли уже изъ опытовъ, бываетъ только источникомъ неудовольствiй, которыя, хотя и не могутъ долго продолжаться, но всегда, по крайней мѣрѣ, на нѣсколько минутъ безъ всякой нужды нарушаютъ согласiе нашего собранiя, затмеваютъ въ насъ свѣтлый лучъ единодушiя и радости и со всѣмъ тѣмъ не приносятъ ни малѣйшей пользы“. Онъ призываетъ поклясться всегда оживляться духомъ „собранiя“ и напоминаетъ, что „для сего то взаимнаго поощренiя себя ко всему возвышенному и благородному установили [они] ежемѣсячные праздники, въ которые согласились въ свободной радости и братскомъ союзѣ приносить жертву отечеству, возжигать сердца [свои] священнымъ патриотизмомъ“. Вспоманувъ затѣмъ великiя имена Леонидовъ, Кодровъ, Брутовъ и Аристидовъ и воззвавъ къ энтузиазму юности, ораторъ опять обращается къ своему Обществу и говоритъ: „Теперь, съ сердечнымъ сожалѣнiемъ вижу я, что мы раздѣлены, такъ сказать, на двѣ части; и та и другая порознь—въ короткой связи между собою, между тѣмъ какъ нѣкоторые изъ насъ недовольно еще между собою сближены. Будемъ стараться, сколько возможно, истребить это неравенство, приведемъ, ежели смѣю сказать, къ равновѣсiю нашу взаимную дружбу, будемъ равно искренны, будемъ усердны, будемъ великодушны. И тогда-то всякое наше упражненiе будетъ приносить намъ сугубую пользу, будетъ имѣть свою цѣну; тогда-то собранiе наше утвердится на основанiи непоколебимомъ; тогда-то всякiй изъ насъ будетъ искать въ немъ и найдетъ отдохновенiе въ самыхъ трудахъ, радость [и] отраду въ непрiятностяхъ жизни; тогда-то будетъ запечатлено печалью братство, и мы ощутимъ спасительныя дѣйствiя нашего союза, ощутимъ—и сердечнымъ благословенiемъ освятимъ Законы его на вѣки“.

Настоящая рѣчь Андрея Тургенева является очень характерной. Только мѣсяцъ существуетъ Общество, только четыре раза собирались его члены, а уже несогласiя среди нихъ замѣтны. Учредитель и душа Общества, Андрей Тургеневъ, умоляетъ жить въ дружбѣ; онъ замѣчаетъ, что среди нихъ—а ихъ всего восемь человѣкъ—есть уже двѣ партiи, что онѣ ссорятся въ своихъ спорахъ, и употребляетъ всѣ усилiя, чтобы уничтожить опасные пункты, слить чле-

новъ Общества воедино. Онъ прельщаетъ сочленовъ мыслью о томъ, что Общество навсегда будетъ для нихъ пріятнымъ воспоминаніемъ. Было бы интересно узнать, въ чемъ же, собственно, состояло разногласіе между членами Общества; но мы можемъ только догадываться. Можетъ быть, одни, какъ Андрей Тургеневъ, Мерзляковъ, Жуковский желали больше говорить о самомъ Обществѣ, т. е. о дружбѣ, желали больше заниматься чтеніемъ и разборомъ своихъ литературныхъ упражненій, а другіе—питали больше склонности къ разсужденіямъ на общія темы, въ родѣ какъ „о кротости“, „о воображеніи“, или къ такимъ темамъ, какъ „о величіи Петра III“. Все это остается, однако, въ области догадокъ. Можно только утверждать, что, судя по тому, что главари Общества часто взываютъ къ энтузіазму его членовъ, этого-то энтузіазма и не было.

27-го февраля произносилъ рѣчь Жуковский „О дружбѣ“. Сказавъ о важности имѣть друга, друга честнаго, испытаннаго, онъ переходитъ къ изложенію законовъ дружбы и дѣлаетъ характерное замѣчаніе относительно своего Общества. „Итакъ, говоритъ онъ, позвольте мнѣ поговорить о сихъ законахъ, которые, я увѣренъ, вы давно уже слышали въ своемъ сердцѣ, но которыхъ, можетъ быть—простите мнѣ откровенно,—вы разобрать не умѣли. Я такъ сужу потому, что наше собраніе, собраніе друзей, едва было не разрушилось при самомъ своемъ началѣ“. Затѣмъ Жуковский изъясняетъ, что въ дружбѣ не должно быть „остроты“, она не можетъ существовать безъ взаимнаго „лчтенія“, съ дружбой неразлучна откровенность, которую, однако, не слѣдуетъ смѣшивать съ „грубостью“; дружба усиливается отъ „тождественности“, „сообразности“ характеровъ, и, наконецъ, въ дружбѣ необходимы „тонкость“, „осторожность“ въ обхожденіи. Нарисовавъ далѣе всю пользу и наслажденія, которыя можно получить отъ дружбы, Жуковский оканчиваетъ рѣчь въ своемъ духѣ: „Ахъ, скажите, не привлекателенъ ли и самый одръ кончины тогда, когда стоитъ передъ нимъ другъ мой, котораго слезы въ послѣдній разъ воспламеняютъ хладѣющее мое сердце, котораго взоры устремлены на потухающіе мои взоры, который, сжимая ослабѣвшую руку мою, въ послѣдній разъ говоритъ мнѣ „прости“, принимаетъ прерывающійся вздохъ мой въ пламенную грудь свою...! Ахъ, друзья мои! часто съ неизъяснимою сладостью мечталъ я о сей послѣдней и блаженнѣйшей минутѣ, часто желалъ имѣть друга для того, чтобы умереть въ его объятіяхъ; мысль сладостная, мысль успокоительная! Жить въ сердцѣ нѣжномъ тогда, когда меня не будетъ, оставить по себѣ лучшую часть

бытія своего въ груди, носящей вѣчное обо мнѣ воспоминаніе—о, друзья мои!—больше не скажу ни слова“.

Черезъ три дня, 1-го марта, опять происходило собраніе, и на немъ Мерзляковъ ополчился противъ такихъ рѣчей, какова была предшествующая рѣчь Жуковскаго „О дружбѣ“. Его рѣчь была „О дѣятельности“. Онъ сравниваетъ свое Общество съ машиной, которая стоитъ на одномъ мѣстѣ, и предлагаетъ отъ пустыхъ словъ перейти къ „дѣятельности“. Его рѣчь въ этомъ отношеніи характерна. Мы видимъ изъ нея, что направленіе, которое принимали засѣданія Общества, не удовлетворяли Мерзлякова. Онъ, дѣйствительно, былъ чловѣкъ дѣла и никакъ уже не могъ бы назваться мечтателемъ: мечтать ему было и некогда. Поэтому-то онъ и обрушивается на привившійся обычай „мечтать о будущемъ“. Для характеристики Общества начало его рѣчи чрезвычайно любопытно и знаменательно. „Что пользы въ машинѣ,—начинаетъ онъ свою рѣчь—которой всѣ пружины сильны и чисты, которой доставлены всѣ способы къ движенію и которая при всемъ томъ стоитъ на одномъ мѣстѣ? Машина хороша, но мертва. Хорошъ порядокъ, который ввели мы въ наши засѣданія; прекрасенъ союзъ дружбы, который наши ораторы каждую недѣлю переплетаютъ поочередно новыми гирляндами; но чтожь въ томъ? Мы учимся быть ихъ панегиристами, обожателями и больше ничего. Гдѣ душа нашихъ законовъ? Что есть причина сего заведенія? Что причина нашего союза? Что есть польза? Польза—это несокрушимый пьедесталь, на которомъ народы выставляютъ знамя мира и знамя брани. Польза—тотъ магнитъ, который собралъ съ концовъ міра разсѣянное чловѣчество и заставилъ его вокругъ себя построить грады и крѣпости. Польза—тотъ магнитъ, который можетъ притянуть сердца къ самому себѣ и никогда не даетъ имъ разорваться. Польза, друзья мои,—то существо, которое соединило насъ здѣсь. Мы одѣвали его, по обычаю всего свѣта, въ разныя пышныя одѣянія, давали ему многоразличныя имена, поклонялись ему подъ видомъ дружбы, подъ видомъ братства и проч... Можетъ быть, отъ того самаго терялъ онъ свою силу. Полно мечтать о будущемъ! Перестанемъ искать причину нашей холодности или причину нашей привязанности къ собранію въ отдаленныхъ облакахъ, рождаемыхъ воображеніемъ нашимъ! Что же дѣлать? Надобно раскрывать пользу, которую всякій изъ насъ надѣется получить отъ собранія. Но какъ и кто откроетъ сіе драгоценное сокровище, которое иногда слишкомъ глубоко таится въ неизмѣримой будущности?—

*Дѣятельность.* Дѣятельность—стражь и мать всякаго успѣха. Она

даетъ намъ ключъ и покажетъ дорогу къ святилищу природы. Труды, и несчастія, и вѣнецъ побѣды соединять насъ тѣснѣе, нежели всѣ наши рѣчи“<sup>1)</sup>.

Вотъ какого рода матеріалъ остался отъ засѣданій Дружескаго литературнаго общества. Къ нему можно присоединить начало рѣчи Воейкова „О героизмѣ“, отъ которой сохранился только одинъ листокъ и время произнесенія которой не помѣчено. Какъ продолжались дальнѣйшія мартовскія засѣданія—неизвѣстно, а объ апрѣльскихъ мы знаемъ лишь по воспоминанію Андрея Тургенева о торжественномъ собраніи 7-го числа.

Теперь можно обратиться къ позднѣйшимъ воспоминаніямъ сочленовъ Общества.

Въ 1813 году Жуковский въ отвѣтъ на письмо Александра Ивановича Тургенева пишетъ ему, между прочимъ слѣдующее:

„О! не бывать минувшему назадъ!  
 Сколь весело промчался тѣ годы,  
 Когда мы всѣ, товарищи—друзья,  
 Дѣлили жизнь на лонѣ у свободы!  
 Безпечные, мы въ чувствѣ бытія,  
 Что было, есть и будетъ, заключали,  
 Грядущее надеждой украшали—  
 И радостнымъ оно являлось намъ.  
 Гдѣ время то, когда по вечерамъ  
 Въ веселый кругъ насъ музы собирали?  
 Нѣтъ и слѣдовъ. Исчезло все—и садъ,  
 И ветхій домъ, гдѣ мы въ осенній хладъ  
 Святой союзъ любви торжествовали.  
 Гдѣ время то, когда нашъ милый братъ  
 Былъ съ нами, былъ всѣхъ радостей душою?  
 Не онъ ли насъ пріятной острою  
 И вѣжностью сердечной привлекалъ?  
 Не онъ ли насъ тѣснѣй соединялъ?  
 Сколь былъ онъ простъ, нестрашенъ въ разговорѣ!  
 Какъ для друзей всю душу обнажалъ!  
 Какъ взоръ его во глубь сердце выпялъ!  
 Высокій духъ пылалъ въ семь быстромъ взорѣ.  
 Бывало онъ, съ отцомъ рука съ рукою,  
 Входилъ въ нашъ кругъ—и радость съ нимъ являлась:

<sup>1)</sup> Эту рѣчь Меряляковъ впоследствии напечаталъ въ журналѣ „Амфіонъ“ 1815 г. въ февральской книжкѣ подъ заглавіемъ „Гимнъ дѣятельности“. Приведенное вступленіе выпущено, выкинуто еще кое-что, кое-что прибавлено, но въ остальномъ „Гимнъ“ представляетъ простую перепечатку Рѣчи.

Старикъ при немъ былъ юноша живою;

Его сѣдинъ свобода не чуждалась... (Полн. Собр. соч. Жуковского, подъ редакц. проф. Архангельскаго, т. II, стр. 28).

Обыкновенно принимается, что Жуковскій разумѣетъ тутъ именно Дружеское литературное общество, называя его „Союзомъ святымъ любви“. Правда, въ этомъ стихотворномъ посланіи никакихъ реальныхъ воспоминаній нѣтъ; все дѣло ограничивается тоской по прошедшемъ времени, но—это было въ духѣ Жуковского. Однако, дѣйствительно ли подъ „Союзомъ святымъ любви“ Жуковскій разумѣлъ Дружеское литературное общество? Признать такое отождествленіе не дозволяетъ хронологія. Жуковскій здѣсь вспоминаетъ, какъ и Кайсаровъ въ своихъ письмахъ (см. выше), осенніе вечера, которые оживлялись Андреемъ Тургеневымъ; очевидно—это осень 1800 года, когда еще не было Дружескаго литературнаго общества. Въ этихъ воспоминаніяхъ, правда, фигурируетъ и садъ и „ветхій домъ“, т. е. домъ Воейкова „поддѣвичимъ“, но въ то же время въ кругѣ ихъ появляется и Иванъ Петровичъ Тургеневъ, который, надо полагать, на вечеринкахъ у Воейкова не бывалъ. Если здѣсь долю воспоминаній и можно отнестъ къ поэтической вольности Жуковского, то все-таки надо признать, что послѣдній ихъ значительно расширять: они охватываютъ вообще все то время, когда тѣсно жила кампанія, состоявшая, главнымъ образомъ, изъ двухъ Тургеневыхъ, Жуковского, Мерзлякова и Андрея Кайсарова. И, конечно, нѣтъ никакихъ основаній принимать здѣсь Дружеское литературное общество за „святой союзъ любви“: послѣднимъ именемъ Жуковскій называлъ вообще союзъ любви и дружбы, длившійся нѣсколько лѣтъ. Мы видѣли, что Дружеское литературное общество было концомъ „союза любви“ и—концомъ не вполне удачнымъ. Такъ какъ собранія Дружескаго литературнаго общества носили приблизительно тотъ же характеръ, что и прежнія собранія кружка, то неудивительно, что само Общество, какъ таковое, существовавшее нѣсколько мѣсяцевъ, черезъ нѣсколько лѣтъ совсѣмъ испарилось изъ памяти. Во всякомъ случаѣ, суживать воспоминанія Жуковского до рамокъ Дружескаго литературнаго общества нѣтъ основаній.

Остаются воспоминанія Мерзлякова, которыя особенно могутъ давать основаніе для заключеній о высокой образовательной дѣятельности Дружескаго литературнаго общества и о его значеніи для его членовъ. Мерзляковъ въ 1815 году издалъ 12 частей журнала „Амфіонъ“ и съ январьской книжки началъ разборъ „Россіяды“, гдѣ и пре-

дался воспоминаніямъ о времени дѣйствованія Дружескаго литературнаго общества. Разборъ этотъ былъ сдѣланъ Мерзляковымъ, очевидно, давно, но напечатанъ только теперь, подобно тому, какъ въ февральской книжкѣ того же „Амфіона“ онъ напечаталъ съ измѣненіемъ свою рѣчь „О дѣятельности“, читанную имъ въ собраніи 1-го марта 1801 года. Очевидно, Мерзляковъ, рѣшивъ издавать журналъ, тряхнулъ стариной и выкопалъ кое-что изъ старыхъ своихъ тетрадокъ. Сказавъ о литературномъ обществѣ, гдѣ онъ приобрѣлъ извѣстныя правила критики, Мерзляковъ продолжаетъ: „Я намѣренъ изобразить здѣсь *тогдашнія* наши размышленія о Россіадѣ, о семъ первомъ и важнѣйшемъ предметѣ во множествѣ хорошихъ сочиненій стихотворныхъ, какъ безпристрастный наблюдатель“; онъ хочетъ сдѣлать это „если не въ пользу другихъ, то, по крайней мѣрѣ, въ пользу свою и въ память безцѣнныхъ бесѣдъ нашихъ“ (стр. 52). Перепечатавая теперь свое старое чтеніе въ „любопытномъ обществѣ словесности“, онъ и считаетъ нужнымъ посвятить послѣдному нѣсколько воспоминаній. Перечисляя причины, побудившія его нѣкогда обратиться къ сочиненіямъ нашихъ писателей, онъ указываетъ на совѣты одного знаменитѣйшаго изъ нихъ (вѣроятно—П. П. Дмитріева) и на правила, „которыя—продолжаетъ онъ—приобрѣлъ я въ незабвенномъ, можетъ быть, уже невозвратномъ для насъ любопытномъ обществѣ Словесности, гдѣ мы, постоянно управляемые благороднѣйшею цѣлью, всѣ во цвѣтѣ юности, въ жару пылкихъ лѣтъ, одушевленные единымъ благодатнымъ чувствомъ дружества, не отравленнымъ частными выгодами самолюбія,—учили и судили другъ друга въ первыхъ нашихъ занятіяхъ; и, жертвуя, повидимому, своими удовольствіями, между тѣмъ нечувствительно и скромно, исполненные патриотизма и любви къ изящному, приготавливали себя на будущее наше служеніе... Я хочу быть вѣренъ этимъ правиламъ; я вспоминаю все то, чѣмъ занимались мы тогда, какъ друзья, чуждые предразсудковъ, вредныхъ успѣхамъ нашей словесности“.

Если мы теперь примемъ во вниманіе все то, что выясняется изъ приведенныхъ выше рѣчей, то настоящія воспоминанія покажутся значительно преувеличенными, или, скорѣе, они должны будутъ считаться захватывающими болѣе продолжительный періодъ, чѣмъ первые три—четыре мѣсяца существованія Дружескаго литературнаго Общества. Они охватываютъ и предшествующій періодъ, періодъ осенній 1800 г., а можетъ быть и болѣе старый періодъ, и примыкаютъ къ собраніямъ воспитанниковъ Университетскаго Благороднаго Пансіона, ко-

торый въ представленіи членовъ Дружескаго литературнаго общества тѣсно сливался съ послѣднимъ—конечно потому, что все члены послѣдняго были раньше участниками Собраній воспитанниковъ Университетскаго Благороднаго Пансіона; не даромъ на языкѣ Андрея Тургенева Дружеское литературное „Общество“ называется обыкновенно „собраніемъ“. Возможно, что Мерзляковъ читалъ свой разборъ Россіяды именно въ одномъ изъ собраній Дружескаго литературнаго общества, т. е. весной 1801 года, но нѣтъ никакого сомнѣнія, что, говоря о „правилахъ“, приобрѣтенныхъ имъ въ „любезнательномъ обществѣ Словесности“, онъ думалъ не исключительно о Дружескомъ литературномъ обществѣ. Для большинства членовъ послѣдняго ихъ собранія никакъ не были „первыми занятіями“: они вошли туда уже готовыми, „правила“ были приобрѣтены раньше, и теперь черезъ 15 лѣтъ Мерзляковъ, писавшій когда то „Законы“ Общества и видѣвшій ихъ крушеніе, обобщилъ свои старыя воспоминанія и перенесся мыслью не только на весну 1801 года, но и на все то время, когда жилъ и дѣйствовалъ его другъ Андрей Тургеневъ, т. е. на періодъ, по крайней мѣрѣ, съ 1797 года.

Еще яснѣ другія воспоминанія Мерзлякова, на которыя также ссылаются въ подтвержденіе мнѣнія о высокомъ значеніи Дружескаго литературнаго общества, это—воспоминанія о Ѳеодорѣ Ѳеодоровичѣ Ивановѣ, небольшомъ стихотворцѣ начала XIX вѣка, умершемъ въ 1817 году. Въ засѣданіи Общества Любителей Россійской Словесности при Московскомъ университетѣ Мерзляковъ произнесъ рѣчь въ память Иванова и напечаталъ ее въ Трудахъ Общества того же года, ч. VII. Въ рѣчи своей онъ вспоминаетъ о томъ, какъ съ восшествіемъ на престолъ Александра все устремились къ занятіямъ словесностью, какъ образовались „многія частныя ученныя собранія литературныя, въ которыхъ молодые люди, знакомствомъ и дружествомъ соединенные, сочиняли, переводили, разбирали свои переводы и сочиненія... Въ Петербургѣ и Москвѣ существовали таковыя общества, не думающія ни объ извѣстности своей, ни о выгодахъ, но живущія единственно удовольствіями, внутри себя заключенными, однимъ словомъ, наслажденіями ученія“. Къ этому онъ прибавляетъ, что онъ „самъ во многихъ изъ нихъ участвовалъ“ (стр. 101—102). Ясно, что онъ говорить не исключительно о Дружескомъ литературномъ обществѣ. Далѣе онъ вспоминаетъ о такой обстановкѣ собраній, которая ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть приложена къ Дружескому литературному обществу. „Какъ восхитительно—говорить онъ—бывало намъ,

еще отрокамъ, видѣть, посреди мирныхъ и уединенныхъ бесѣдъ своихъ, и старцевъ, знаменитыхъ отличными заслугами Отечеству, и Мужей, присѣдающихъ кормилу правленія, которые съ отеческою благосклонною улыбкою внимали нашимъ юношескимъ разговорамъ, слушали наши первые опыты въ сочиненіяхъ, увеселялись нашими мечтами, какъ мечтами младенцевъ, незнающихъ еще свѣта и будущаго своего жребія. Они умѣряли порывъ восторговъ нашихъ, не убивая ихъ совершенно, давали намъ строгіе совѣты, не приводя насъ въ отчаяніе и закрывая предъ очами нашими печальную будущность завѣсою благообщающей отдаленности“ (стр. 103). Если здѣсь воспоминанія отвѣчаютъ дѣйствительности, то должно разумѣть, во первыхъ, собранія воспитанниковъ Университетскаго Благороднаго Пансіона, которыя происходили, дѣйствительно, въ присутствіи „старцевъ, знаменитыхъ заслугами Отечеству, и мужей, присѣдающихъ кормилу правленія“, и во вторыхъ—дружескія частныя собранія у Ивана Петровича Тургенева, которыя посѣщали Карамзинъ, Дмитріевъ, Лопухинъ и другіе, т. е. тѣ собранія, о которыхъ вспоминалъ Жуковский въ указанномъ выше стихотворномъ посланіи къ Александру Ивановичу Тургеневу, но никакъ уже не Дружеское литературное общество. Среди такихъ-то собраній, продолжаетъ Мерзляковъ, онъ и узналъ Иванова, который прилѣпился къ ихъ кружку и полюбился всѣмъ имъ, какъ и они ему. Если и здѣсь Мерзляковъ не путаетъ хронологіи и фактовъ, то и здѣсь нельзя, такимъ образомъ, видѣть указанія на Дружеское литературное общество, въ которомъ Ивановъ не участвовалъ. Надо вѣрить Мерзлякову, что тогда существовало много кружковъ, которые могли состоять изъ нѣсколькихъ пріятелей и которые съ Дружескимъ литературнымъ обществомъ могли и не имѣть ничего общаго. Еще въ Петербургѣ 1802 года весной Андрей Тургеневъ слышалъ, что Мерзляковъ затѣвалъ какое-то новое общество. Очевидно, Мерзляковъ былъ особенный любитель такихъ литературныхъ кружковъ: онъ пишетъ „Законы“ Общества, онъ побуждаетъ членовъ его къ „дѣятельности“, онъ пишетъ кружкамъ своей молодежи панегирики. Неудивительно, что онъ не различалъ, да и не хотѣлъ различать, одинъ кружокъ отъ другого и соединялъ въ своихъ воспоминаніяхъ всѣ ихъ вмѣстѣ, видя во всѣхъ ихъ предтечей Общества Любителей Россійской Словесности, открытаго въ Москвѣ въ 1811 году. Если онъ говоритъ, что „тогда (т. е. въ началѣ XIX вѣка) быть членомъ литературнаго Общества сдѣлалось для каждаго необходимою душевною потребностью“ (стр. 107), то,



конечно, онъ имѣеть въ виду не исключительно Дружеское литературное общество, насчитывавшее въ себѣ только 10 человѣкъ сочленовъ и существовавшее лишь нѣсколько мѣсяцевъ.

Наконецъ, всего менѣе могутъ быть относимы къ Дружескому литературному обществу воспоминанія Александра Ивановича Тургенева въ 1837 году, на которыя всѣ изслѣдователи ссылаются: „Нѣсколько молодыхъ людей, большею частью университетскихъ воспитанниковъ, получали почти все, что въ изящной словесности выходило въ Германіи, переводили повѣсти и драматическія сочиненія Коцебу, пересаживали, какъ умѣли, на русскую почву цвѣты поэзіи Виланда, Шиллера, Гете, и почти весь тогдашній нѣмецкій театръ былъ переведенъ ими“ (Современникъ, 1837 г. т. V, см. Рѣзанова, Разысканія о Жуковскомъ, 178). Г. Рѣзановъ въ своихъ Разысканіяхъ перечисляетъ всѣ переводы, сдѣланные членами Дружескаго литературнаго общества въ періодъ отъ 1797 г. по 1805 г., и мы видимъ, что на время 1801 г. переводовъ относится очень немного. Да и понятно само собой, что Тургеневъ говоритъ о всей московской жизни, начиная съ 1796 г., года переѣзда Тургенева изъ Симбирска въ Москву. Небольшое воспоминаніе о Дружескомъ литературномъ обществѣ появилось въ его словахъ, что „корифеями сего Общества были Мерзляковъ и Андрей Тургеневъ“, хотя оба они были корифеями всего вообще тургеневскаго кружка.

### III.

Итакъ, приходится признать, что всѣ воспоминанія, якобы касающіяся Дружескаго литературнаго общества, на самомъ дѣлѣ касаются послѣдняго очень въ незначительной долѣ. Воспоминанія о Дружескомъ литературномъ обществѣ слились съ воспоминаніями вообще о дружескихъ литературныхъ кружкахъ, какъ признанныхъ, такъ сказать официально, такъ и существовавшихъ лишь частнымъ образомъ, безъ всякаго уговора. Авторы воспоминаній имѣли полное психологическое основаніе не отдѣлять Дружескаго литературнаго общества, какъ такового, отъ обычной тогдашней литературной жизни молодыхъ кружковъ. Общество не вошло въ ихъ жизнь, какъ нѣчто новое, раньше имъ незнакомое, что могло бы оставить слѣдъ въ жизни его участниковъ именно по своей новости. Члены Дружескаго литературнаго общества были ими раньше формальнаго возникновенія Общества; его „Законы“, какъ говорилъ Кайсаровъ, были написаны въ ихъ сердцахъ еще прежде. Маленькій кружокъ молодыхъ людей, основавъ

Общество, продолжаетъ дѣлать то же самое, что дѣлалъ и раньше. Отъ Дружескаго литературнаго общества нельзя отдѣлять собраній воспитанниковъ Университетскаго Благороднаго Пансіона, съ одной стороны, и дружескихъ личныхъ связей между собой членовъ Общества—съ другой. Нѣтъ нужды останавливаться на собраніяхъ воспитанниковъ Университетскаго Благороднаго Пансіона, воспитанниками котораго были почти всѣ члены Общества, кромѣ Андрея Тургенева и Мерзлякова, — нѣтъ нужды потому, что картина собраній хорошо нарисована въ упоминаемой книгѣ г. Рѣзанова. И въ то время, какъ начались засѣданія Дружескаго литературнаго общества, продолжаютъ собранія воспитанниковъ Университетскаго Благороднаго Пансіона, и на актахъ пансіона произносятся участниками Дружескаго литературнаго общества такія же рѣчи, какъ и въ самомъ обществѣ. На актѣ 19-го декабря 1797 года одинъ изъ воспитанниковъ произносилъ рѣчь о полезности и похвальности трудолюбія, трое пансіонеровъ [въ томъ числѣ и Жуковскій] вели „Разговоръ о томъ, что всякій членъ общества необходимо обязанъ служить ему, отправляя въ немъ какую-нибудь должность“, Жуковскій на актѣ 14-го ноября 1798 г. читаетъ рѣчь о добродѣтели, а на актѣ 22-го декабря того же года произноситъ свое стихотвореніе „Добродѣтель“; на этомъ же послѣднемъ актѣ читается „Рѣчь о томъ, какъ долженъ быть прямо благородный воспитанникъ“. На актѣ 22-го декабря 1800 года воспитанникъ пансіона Александръ Тургеневъ произноситъ „Рѣчь о томъ, что просвѣщеніе безъ религіи и добродѣтели болѣе вредно, нежели полезно“. На актѣ 21-го декабря 1801 г. читалась „Рѣчь о неразрывной связи просвѣщенія, религіи и добродѣтели“ [Рѣзановъ, стр. 49]. Въ 1799 г. было учреждено при пансіонѣ литературное общество, предсѣдателемъ коего былъ Жуковскій, и написаны его правила, которыя могутъ считаться источникомъ „Законовъ“ Дружескаго литературнаго общества, составленныхъ Мерзляковымъ. И по правиламъ и по „Законамъ“ собранія должны происходить одинаково, одинаково „піесы“ должны тамъ и тутъ читаться, одинаково обсуждаться; одинаково оба общества состояли изъ десяти членовъ. Разница была лишь въ томъ, во-первыхъ, что члены перваго общества связывались мѣстомъ обученія—членами могли быть только воспитанники пансіона, — а участники Дружескаго литературнаго общества связывались именно личнымъ „дружествомъ“, на что особенно указывалъ учредитель общества Мерзляковъ; во-вторыхъ, въ пансіонскомъ обществѣ могли участвовать и постороннія лица подъ именемъ „Почетныхъ“ членовъ, а

Дружеское литературное общество было тѣснымъ замкнутымъ кружкомъ, именно потому, что оно основывалось на фундаментѣ „дружества“. Но внутренняя жизнь была одна и та же; напр., Александръ Тургеневъ участвуетъ въ Дружескомъ литературномъ обществѣ, будучи еще воспитанникомъ Университетскаго Благороднаго Пансіона, и произноситъ даже рѣчь на актѣ наканунѣ открытія Общества. Неудивительно, поэтому, что Дружеское общество, какъ вслѣдствіе однородности по внутреннему и отчасти внѣшнему устройству съ возникшимъ нѣсколько ранѣе и существовавшимъ затѣмъ вмѣстѣ, кружкомъ, такъ и вслѣдствіе кратковременности своего существованія, перестало въ представленіи его бывшихъ членовъ являться съ ясными чертами. Мы видѣли, что энтузіазма къ новому Обществу у его членовъ не было, исключая Андрея Тургенева; послѣдній ближе другихъ принималъ къ своему сердцу его судьбу по той, повидимому, причинѣ, что, не принимая участія въ собраніяхъ воспитанниковъ пансіона, онъ всецѣло предался своему созданію; остальные же были довольно равнодушны.

Другая причина забвенія Дружескаго литературнаго общества заключалась въ томъ, что „дружество“, на которомъ хотѣли построить жизнь Общества его наиболѣе видные члены, также существовало гораздо раньше Общества, еще и тогда связывая его сочленовъ между собою и группируя ихъ около Ивана Петровича Тургенева. Этотъ дружественный кружокъ и жплъ исключительно литературными интересами: онъ-то и пересаживалъ нѣмецкую литературу на русскую почву. Въ сущности все, что было сдѣлано въ области переводовъ, сдѣлано до образованія Дружескаго литературнаго общества, и переписка молодого тургеневскаго кружка періода 1797—1801 гг. и указываетъ намъ на увлеченіе литературой и рисуетъ способъ взаимнаго обученія еще задолго до возникновенія Дружескаго литературнаго общества.

Въ виду всего вышесказаннаго, выдвигается вопросъ: какъ же опредѣлить значеніе Дружескаго литературнаго общества, значеніе, на которое всегда указывали изслѣдователи и историки литературы? Для установленія болѣе правильнаго взгляда на Дружеское литературное общество не будетъ лишнимъ сопоставить его съ однимъ Обществомъ, существовавшимъ нѣсколько позднѣе, но имѣвшимъ съ нимъ нѣкоторую аналогію, это—съ Арзамасомъ, возникшимъ въ 1815 году. Два лица изъ бывшихъ членовъ Дружескаго литературнаго общества были въ числѣ учредителей и Арзамаса—Жуковский и Александръ Тур-

гевель. Правда, была разница между обоими обществами та, что Арзамасъ существовалъ болѣе двухъ лѣтъ, а Дружеское литературное общество—нѣсколько мѣсяцевъ; была даже разница еще въ цѣляхъ того и другого общества: Арзамасъ, какъ извѣстно, имѣлъ одну спеціальную цѣль—противодѣйствовать кружку шипковистовъ, а въ Дружескомъ литературномъ обществѣ такой полемиической цѣли не было; наконецъ, существенное различіе было и въ томъ, что участниками Дружескаго литературнаго общества были юноши въ возрастѣ отъ 18 до 20 лѣтъ, а участниками Арзамаса были уже люди возмужалые: достаточно указать на тѣхъ же Тургенева и Жуковского. И однако, сравненіе напрашивается само собой, хотя бы уже потому, что въ ученой литературѣ и относительно значенія Арзамаса существуетъ разногласіе. Забѣгая нѣсколько впередъ и становясь на минуту на точку зрѣнія защитниковъ Дружескаго литературнаго общества, необходимо все-таки признать, что между Арзамасомъ и кружкомъ молодыхъ людей начала XIX вѣка существуетъ тѣсная связь. Принимая Дружеское литературное общество какъ опредѣленную величину, мы можемъ Арзамасъ генетически вывести изъ послѣдняго. Въ концѣ XVIII и въ самомъ началѣ XIX вѣка мы имѣемъ дѣло съ литературнымъ кружкомъ, вылившимся въ разсматриваемое Дружеское литературное общество. Въ концѣ перваго десятилѣтія XIX вѣка въ Москвѣ собирается у Вяземскаго новый литературный кружокъ. Вспоминая объ этомъ кружкѣ, Вяземскій говорилъ: „Мы любили и уважали другъ друга, но мы и судили другъ друга безпристрастно и строго, но не по одной литературной дѣятельности, но и вообще. Въ этой неліцепріятной, независимой дружбѣ и была сила и прелесть нашей связи. Мы уже были Арзамасами между собою, когда Арзамаса еще и не было. Арзамаское общество служило только оболочкою нашего нравственнаго братства“. Здѣсь мы слышимъ отголосокъ того настроенія о которомъ говорили впоследствии и бывшіе участники Дружескаго литературнаго общества. Дружба и строгое отношеніе другъ къ другу характеризуютъ намъ и Дружеское литературное общество, какъ мы знаемъ его изъ его „Законовъ“ и изъ рѣчей, произнесенныхъ на его собраніяхъ. Указываемыя вечернія собранія у Вяземскаго являются, такимъ образомъ, какъ бы связующимъ звеномъ между Дружескимъ литературнымъ обществомъ и Арзамасомъ. Поэтому-то, когда въ Москву пришло извѣстіе о возникновеніи Арзамаса, то Вяземскій усмотрѣлъ въ немъ, такъ сказать, московское землячество и назвалъ его „новымъ Арзамасомъ“, разумѣя подъ старымъ свой московскій кружокъ. Здѣсь именно выра-

батывались убѣжденные противники литературнаго старовѣрства, здѣсь такія лица, какъ Жуковский, Вяземскій, Василій Пушкинъ и др., выработывали и высказывали очень опредѣленное направленіе, которое въ послѣдствіи характеризуетъ Арзамасъ.

Еще ближе сродство Арзамаса съ Дружескимъ литературнымъ обществомъ по ихъ внѣшней судьбѣ. Мы видѣли, что разсужденія на патріотическія и моральныя темы, которыми наполнялись первыя собранія Дружескаго литературнаго общества, стали тотчасъ казаться недостаточными, и Мерзляковъ уже скоро предлагалъ, хотя и въ неясной формѣ, перейти къ „дѣятельности“. Въ Арзамасѣ существенную роль, какъ мы знаемъ, играли шутки и пародіи на „Бесѣду“. Но то и другое постепенно надоѣло, и подъ вліяніемъ призывовъ нѣкоторыхъ членовъ, въ апрѣлѣ 1817 года уже обсуждалось дальнѣйшее направленіе дѣятельности. Арзамасцы понимали, что имъ недостаетъ собственно двухъ вещей: во-первыхъ, прочной организаціи, т. е. устава, и во-вторыхъ, своего журнала, какъ органа своего направленія. Написать уставъ было поручено Жуковскому, и естественно ожидать, что Жуковский, первый предсѣдатель собранія воспитанниковъ Благороднаго Университетскаго Пансіона, одинъ изъ учредителей Дружескаго литературнаго общества, участникъ кружка Вяземскаго, и дастъ такой уставъ, который будетъ сколкомъ съ устава Дружескаго литературнаго общества. Дѣйствительно, если разобрать оба устава, то сходство бросается прямо въ глаза. Подобно тому какъ „Законы“ Дружескаго литературнаго общества говорили, что оно будетъ состоять изъ малаго числа членовъ, дружествомъ соединенныхъ, такъ и уставъ Арзамаса говорилъ, что его единственное правило по отношенію другъ къ другу есть „чистосердечіе и любезная строгость дружества“. Подобно Дружескому литературному обществу и уставъ Арзамаса ставилъ своею цѣлью образованіе общаго мнѣнія т. е. распространеніе познаній изящной словесности и вообще понятій ясныхъ и правильныхъ. Даже и самая мелкая регламентація устава Арзамаса напоминаетъ почти ту же регламентацію „Законовъ“ Дружескаго литературнаго общества.

Такую же аналогію между двумя обществами можно усмотрѣть и въ вопросѣ объ опредѣленіи значенія того и другого. Въ ученой литературѣ до сихъ поръ продолжается споръ о томъ, какое значеніе имѣетъ Арзамасъ, какъ литературное общество, въ общемъ ходѣ развитія русской литературы, и не очень уже давно была напечатана одна небольшая, но дѣльная статья, старающаяся доказать, что Арзамасъ долженъ занимать самое скромное мѣсто въ ряду факто-

ровъ, имѣвшихъ благотворное вліяніе на русскую литературу и на общественную жизнь. Такой рѣзкій отрицательный приговоръ вызывался и вызывается другимъ, противоположнымъ взглядомъ, по которому Арзамасъ будто-бы важенъ по своему могучему вліянію на литературу, что въ Арзамасѣ можно видѣть примѣръ назидательнаго вліянія какъ на своихъ членовъ, такъ посредствомъ ихъ и на современную имъ литературу и т. п. Причиной такого разногласія въ оцѣнкѣ значенія Арзамаса заключается въ томъ, что, съ одной стороны, жизнь Арамаса была кратковременною, года два—три, что никакихъ изданій и работъ изъ Арзамаса непосредственно не вышло, что, какъ только явилось предложеніе приступить къ серьезной работѣ, такъ кружокъ и прекратилъ свое существованіе; съ другой же стороны, бросается въ глаза тотъ фактъ, что членами Арзамаса были все такія лица, которые оставили глубокій слѣдъ въ исторіи русской жизни и литературы, что въ продолженіе многихъ десятилѣтій они пользовались заслуженной славой лучшихъ дѣятелей русскаго общества. Кромѣ того, еще два обстоятельства возвышали значеніе Арзамаса—это отзывы о немъ современниковъ и воспоминанія о немъ бывшихъ его членовъ. Но указанные выше отрицательныя стороны дѣятельности кружка и особенно та же дѣятельность его участниковъ cadaго въ отдѣльности вызывали на возраженія. Возраженія сводились къ тому, что несправедливо приписывать его вліянію такіе факты послѣдующей дѣятельности бывшихъ его членовъ, которые въ сущности лежатъ на личной отвѣтственности отдѣльныхъ арзамасцовъ. Какъ обыкновенно бываетъ, истина, вѣроятно, лежитъ въ срединѣ. Приписывать исключительно Арзамасу вліяніе на всю послѣдующую дѣятельность его участниковъ было бы, несомнѣнно, рискованно, и именно потому, что его жизнь продолжалась недолго, и членами его были люди уже съ сложившимися вкусами и убѣжденіями. Но можемъ ли мы его вычеркнуть изъ исторіи нашего просвѣщенія, что слѣдовало бы сдѣлать, если бы признали, что его значеніе было ничтожно? Самая постановка вопроса, которая сдѣлана въ данномъ случаѣ научной литературой, неправильна. Нельзя разсматривать вліяніе Арзамаса, взятаго самого по себѣ, безъ связи съ предшествующимъ періодомъ. Арзамасъ для насъ важенъ, какъ такой центръ, гдѣ сошлись разрозненныя раньше силы одного направленія. Конечно, Арзамасъ своего, новаго направленія не внесъ, но мы должны поставить вопросъ, насколько онъ способствовалъ тому направленію, которое нарождалось, какъ обыкновенно бываетъ, не

въ какомъ-либо опредѣленномъ кружкѣ, а, такъ сказать, въ самомъ воздухѣ? Не даромъ участники Арзамаса говорили, что они были арзамасцами раньше учрежденія самого Арзамаса. И дѣйствительно, арзамасская дѣятельность началась еще тогда, когда началась борьба карамзинистовъ съ пишковистами; но силы эти были разрознены и соединились только лишь въ Арзамасѣ. Слѣдовательно, Арзамасъ, пржде всего, долженъ разсматриваться какъ звено въ той цѣпи, которая тянется съ 70-хъ годовъ XVIII столѣтія и до декабрьскихъ событій XIX-го. Въ этой цѣпи Арзамасъ занимаетъ какъ бы мѣсто кольца, къ которому, съ одной стороны, примыкали всѣ предыдущія звенья, а съ другой—воспоминанія послѣдующаго времени. Всѣ эти воспоминанія для насъ имѣютъ значеніе не тѣмъ, что они касались исключительно Арзамаса, а именно тѣмъ, что они касаются того направленія, которое сконцентрировалось какъ разъ въ Арзамасѣ. Концентрація эта была, конечно, случайная, но она была настолько крѣпка, являлась такимъ фокусомъ, куда сходились лучи опредѣленнаго направленія, что воспоминанія невольно направлялись къ этому фокусу. Если Арзамасъ не имѣлъ какой-либо выработанныхъ, литературной и эстетической теорій, то это есть характерная особенность всѣхъ теченій, которыя *начинаютъ* борьбу противъ тѣхъ или другихъ установленныхъ теорій. Но уже относящіяся отрицательно къ его значенію соглашаются съ тѣмъ, что „Арзамасъ явился убѣжищемъ прогрессивныхъ стремленій современной русской литературы, сдѣлавшись защитникомъ романтизма и вмѣстѣ съ тѣмъ правъ русскаго человѣка на независимую отъ внѣшнихъ условій и указаній дѣятельность“. И вотъ, разсматривая эволюцію литературныхъ стремленій и вмѣстѣ съ тѣмъ и эволюцію самого общества въ умственномъ отношеніи, мы и должны видѣть въ Арзамасѣ наиболѣе яркое выраженіе прогрессивнаго теченія русской литературной жизни, но никакъ не должны разсматривать его отдѣльно. Его значеніе ясно только лишь съ эволюціонной точки зрѣнія.

Аналогичнымъ путемъ мы должны идти и въ опредѣленіи значенія Дружескаго литературнаго общества. Если мы возьмемъ его отдѣльно, само по себѣ, то значеніе его будетъ вполне ничтожно. Но, если поставить его въ связь со всѣмъ тѣмъ, что происходило раньше его, то и оно будетъ имѣть свой смыслъ. Самое его названіе показываетъ, что оно должно связываться съ „Дружескимъ ученымъ обществомъ“ Новикова. Дружеское ученое общество ставило себѣ двоякую цѣль: благотворительность и нравственное самоусовершен-

ствование. Его дѣятельность хорошо извѣстна, чтобы на немъ оставиваться. Оно должно было прекратить свое существованіе, какъ учрежденіе, но участники его были еще живы: Тургеневъ, Лопухинъ, Невзоровъ, Новиковъ, Карамзинъ. Жизнь и дѣятельность каждаго изъ нихъ продолжалась въ томъ же духѣ. Въ 1796 году, съ воцареніемъ Павла, кружокъ опять собрался въ Москвѣ и снова какъ-бы началъ прерванную свою дѣятельность, хотя одна черта кружка—благотворительность—сосредоточилась теперь въ лицѣ одного лишь Лопухина. Но къ этому времени подросло уже новое поколѣніе, которое должно было, воспитавшись, съ одной стороны, на старыхъ традиціяхъ, внести съ своей стороны что-нибудь новое, свое, и это свое, новое было уже—„литературнымъ“ направленіемъ. Кружокъ новаго поколѣнія оказался возникшимъ въ старой знакомой намъ средѣ Тургенева и его друзей. Это были, прежде всего, сыновья самаго Тургенева и затѣмъ—ихъ молодые товарищи по Университетскому Благородному Пансіону. Направленіе же послѣдняго покоилось на тѣхъ же основаніяхъ, на которыхъ стояло нѣкогда Дружеское ученое общество, и воспитанники его тѣмъ самымъ по своему воспитанію и настроенію тѣсно примыкали къ послѣднему. Отсюда вытекали тѣ педагогическіе приемы, которые практиковались въ Университетскомъ Благородномъ Пансіонѣ и которые опредѣлили впоследствии и направленіе Дружескаго литературнаго общества; отсюда всѣ многочисленныя рѣчи, какъ въ самомъ пансіонѣ, такъ и въ собраніяхъ воспитанниковъ пансіона на моральныя и патріотическія темы. Новымъ является лишь интересъ къ стиховорству, но это было также воспитательнымъ средствомъ; послѣднее и развивало въ молодомъ поколѣніи ту новую струю, которая раньше не была особенно замѣтна, именно интересъ къ поэзіи. Благодаря общности интересовъ, кружокъ молодыхъ людей новаго поколѣнія, хорошо знавшихъ о недавно еще бывшемъ Дружескомъ ученомъ обществѣ, еще на школьной скамьѣ дѣлался тѣсно; будучи въ пансіонѣ, молодые люди этого кружка составляютъ свое небольшое тѣсное общество, связанное дружбою и любовью къ литературѣ, и устраиваютъ свои собранія; за стѣнами пансіона—они встрѣчаются между собой въ такой же средѣ, гдѣ когда-то культивировались съ неменьшею силою дружба и самосовершенствованіе. Все это должно было способствовать образованію единообразнаго настроенія. Ко всему этому стало присоединяться еще одно обстоятельство, которое стало скрѣплять друзей еще болѣе. Въ обществѣ стало замѣчаться вліяніе сентиментальнаго направленія и юноши, начиная



съ 16-ти-лѣтняго возраста, начинаютъ грустить, плакать, думать о смерти и искать друзей. Друзья же были подъ бокомъ, и вотъ небольшой кружокъ, воспитанный на началахъ морали и дружбы, усвоившій еще на школьной скамьѣ любовь къ литературнымъ собраніямъ, теперь, затронутый уже сентиментальнымъ настроеніемъ, собирается своей компаніей и приводитъ въ исполненіе все то, что онъ воспринялъ отъ своего рожденія и чему онъ и научился: любовь къ отечеству, любовь къ самоусовершенствованію, любовь къ мечтательности и любовь къ стихамъ. Но эволюція видна уже въ томъ, что теперь больше всего начинаютъ занимать ихъ интересы чисто литературные. Нѣмецкая литература становится въ ихъ глазахъ преобладающею, и начинаются ея переводы. Кружокъ молодыхъ людей дѣйствуетъ пока разрозненно; молодые люди собираются довольно часто другъ у друга, большею частью у Воейкова, перебрасываются записками, даютъ другу другу совѣты, что переводить и т. п. Но вотъ у наиболѣе сильныхъ энтузіастовъ, у Андрея Тургенева и Мерзлякова, является мысль тѣснѣе соединить разрозненный кружокъ пріятелей, и такимъ образомъ послѣ двухъ—трехъ лѣтъ разрозненной жизни является на свѣтъ Божій „Дружеское литературное общество“. Оно не вноситъ въ сущности ничего новаго; оно только подчеркиваетъ характеръ дѣятельности молодого кружка: оно будетъ, правда, „Дружеское“, по образцу старшаго „Дружескаго“, но оно будетъ уже „Литературное“, какъ требовалось теперь общимъ интересомъ лучшаго общества. Оно не можетъ еще отдѣлаться отъ своихъ старыхъ привычекъ—произносить рѣчи на моральные и политическія темы; но участники чувствуютъ, что идти лишь по старой дорогѣ невозможно: имъ становилось скучно; отсюда возникало недовольство, погасить которое такъ стремились Андрей Тургеневъ и Мерзляковъ. Мы не знаемъ, какое направленіе приняло бы общество, если бы оно такъ скоро не прекратилось. Но прекратилось, однако, не оно, не Дружеское литературное общество, а прекратился, чисто по внѣшнимъ причинамъ, самый кружокъ, его составлявшій. Поэтому-то, Дружеское литературное общество и должно быть разсматриваемо, какъ завершеніе кружка молодыхъ людей, возникшаго на развалинахъ стараго Дружескаго ученаго общества, и не должно быть отдѣляемо отъ литературной дѣятельности этого кружка, начавшейся еще въ 1796 году. Особенность этого кружка сравнительно съ предшествовавшимъ — особое литературное направленіе, сентиментализмъ. На развалинахъ этого кружка, но уже съ меньшей долей сентиментальности, въ концѣ 10-хъ годовъ XIX столѣтія за-

рождается новый кружокъ около Вяземскаго, каковой кружокъ, уже не будучи затронутъ непосредственно сентиментальнымъ направлениемъ, примыкаетъ, тѣмъ не менѣе, къ предшествующему кружку уже потому, что и онъ является кружкомъ карамзинистовъ. Новые факты жизни и литературы даютъ кружку Вяземскаго матеріалъ для внесенія новаго направленія, направленія боевого и потому болѣе содержательнаго, а чрезъ нѣсколько лѣтъ образуется новый кружокъ, сгруппировавшійся въ Арзамасѣ. Сентиментальность здѣсь уже совсѣмъ исчезла, несмотря на присутствіе Жуковскаго; новая струя, проявившаяся еще въ кружкѣ Вяземскаго—борба за новое направленіе—здѣсь разлилась сильнѣе, и только лишь „дружество“, культивируемое и здѣсь, явилось реальною связью Петербургскаго кружка литераторовъ съ Московскимъ кружкомъ Тургеневыхъ.

Выводы изъ сказаннаго можно сдѣлать слѣдующіе:

1) Дружеское литературное общество было завершеніемъ дружеской литературной дѣятельности молодого кружка Тургеневыхъ, начавшейся въ 1796 году.

2) Разцвѣтъ дѣятельности молодого Тургеневскаго кружка относится къ осени 1800 года.

3) Инициаторами Дружескаго литературнаго общества были Андрей Тургеневъ и Мерзляковъ.

4) „Законы“ Дружескаго литературнаго общества писаны Мерзляковымъ; они во многомъ позаимствованы изъ устава собранія воспитанниковъ Университетскаго Благороднаго Пансіона.

5) Несмотря на названіе общества „Дружескимъ“, особаго согласія въ немъ не замѣчалось.

6) Собранія общества по виѣшнему и внутреннему распорядку тѣсно примыкали къ таковымъ же собраніямъ пансіонскихъ воспитанниковъ.

7) Общество, какъ таковое, значенія не имѣло, и о немъ тотчасъ же всѣ забыли; воспоминанія его участниковъ, кромѣ Андрея Тургенева, охватывали или весь періодъ существованія кружка или время, непосредственно предшествовавшее обществу.

8) Общество не можетъ разсматриваться какъ нѣчто отдѣльное, цѣльное, но непремѣнно—въ связи со всей предшествовавшей жизнью кружка, какъ маленькая часть его.

9) Жизнь молодого Тургеневскаго кружка, съ одной стороны, примыкаетъ къ Новиковскому кружку, къ Дружескому ученому обще-

ству, а съ другой—связывается съ послѣдующими литературно-общественными кружками.

10) Отъ Новиковскаго Дружескаго ученаго общества молодой Тургеневскій кружокъ, а слѣдовательно, и Дружеское литературное общество отличается преобладаніемъ литературныхъ интересовъ, а отъ послѣдующихъ, въ томъ числѣ и Арзамаса, остаткомъ стремленія къ нравственному самосовершенствованію. Съ другой стороны, въ Дружескомъ литературномъ обществѣ нѣтъ общественнаго элемента, преобладавшаго въ Дружескомъ ученомъ обществѣ въ видѣ благотворительности, и нѣтъ еще такого общественно-литературнаго элемента, который, въ видѣ борьбы карамзинистовъ съ шипковистами и, слѣдовательно, въ видѣ борьбы стараго съ новымъ, отличалъ позднѣйшіе кружки. Но надъ всѣми ими парить одно свойство—культъ „дружества“.

**В. Истринъ.**

---